

В поисках новых подходов к гуманитарной науке

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Нам представлены два доклада, в которых и гуманитарная наука, и ее взаимодействие с государственной политикой определяются и трактуются с диаметрально противоположных позиций. Я согласен с А.И. Соловьевым, что во многом это различие объясняется концентрацией внимания авторов на разных сторонах гуманитарной науки: один имеет в виду фундаментальную науку (даже скорее ее философские основы), а другой — ее прикладные аспекты, более органично связанные с общественно-политической практикой. Но дело не только в этом. Различия между ними более глубоки и затрагивают самую суть понятия гуманитарной науки. Поэтому трудно согласиться с высказанным здесь суждением о том, что у обоих докладчиков выявляется общее, которое может их сблизить и примирить. По-моему, общее в определении смысла и функций гуманитарной науки и не просматривается. Наоборот, в ответах на вопросы они закрывают путь к сближению позиций. Каждый из них определяет гуманитарную науку по-своему, и эти определения несовместимы.

В.М. Межуев считает, что предмет гуманитарной науки — это «свобода индивида», и поэтому большинство общественных наук, которые принято называть гуманитарными, к таковым не относятся. Да простит мне докладчик, но, кажется, он поддался соблазну эпатажного способа подачи материала. Ведь на общем фоне постмодернистских веяний у нас считаются заслуживающими внимания только те выступления, в которых подвергаются сомнению доселе

общепринятые смыслы и безапелляционно предлагаются совсем другие. Чем они экстравагантнее, тем больше могут претендовать на творческую смелость.

Но ведь нынешнее понимание гуманитарной науки как целостной системы общественных наук, изучающих человека в разных его ипостасях и в его первородной среде — социуме, не произвольная выдумка каких-то идеологов. Это понимание сложилось исторически. Вся общественная практика, начиная с эпохи Возрождения, которая и поставила человека в центр внимания теоретической мысли, подвела к непреложному выводу о том, что свобода индивида органически связана с контекстом его общественного бытия.

Уместно вспомнить, что и молодой Маркс начинал свой путь именно с вдохновляющих идей свободы личности, индивида. А потом, участвуя в идейно-политической борьбе, убедился, что «свобода индивида» упирается в самые что ни на есть земные экономические проблемы, связанные с отношениями собственности. В этом отношении показательны статьи молодого Маркса в «Рейнской газете» осенью 1842 г. В частности, анализируя дебаты рейнского ландтага по поводу сбора крестьянами хвороста в лесу, он пришел к заключению, что гуманитарная проблематика прав и свобод личности находится в прямой зависимости от экономических интересов лесовладельца. Это значит, что гуманитарные знания о правах и свободах личности формируются в результате развития экономической, правовой, политической и других общественных наук. Все они, изучая разные аспекты общественного бытия человека, являются неотъемлемыми компонентами гуманитарной науки. «Свобода индивида» вне системы координат общественных отношений — это просто пустышка, которая, кстати говоря, очень легко может превратиться в свою противоположность. Свобода без общественных ограничителей, ограждающих социум от сползания к состоянию «войны всех против всех», оборачивается вседозволенностью и тиранией.

Сам докладчик замечает, что «свободная личность» вступает в диалог с другими личностями. Надо думать, что «диалог» понимается в широком общественно-историческом плане, а не в качестве философского собеседования ученых мужей в удаленной от мирских страстей башне из слоновой кости. В таком широком смысле «диалог» — это сложная система межчеловеческих взаимоотношений — социальных, экономических, правовых, нравственных, политических, духовных, — в осмыслении которой задействован весь комплекс общественных наук, постигающих сущность человека как продукта и творца истории рода человеческого.

Предложенное в докладе зауженное понимание предмета гуманитарной науки, по существу, переводит ее из научной сферы в лучшем случае в сферу философско-мировоззренческой метафизики. В.М. Межуев признал это, заявив в ходе полемики, что лучше говорить не о гуманитарной науке, а о гуманитарном знании. Такова его позиция. Вряд ли она плодотворна и приемлема применительно к определению предмета гуманитарной науки. Но в ней, как мне кажется, есть весьма существенное рациональное зерно, очень важное для понимания отличия гуманитарных наук от наук естественных. Это обстоятельство и вытекающие из него следствия, как мне кажется, в достаточной мере не принимаются во внимание в докладе С.С. Сулакшина.

Предмет гуманитарных наук иной, нежели

Буквица к «Суждениям господина Жерома Куаньяра»
Анатolia Франса.
Художник В. Фаворский

предмет естественных наук. Каждая естественная наука исследует какую-то область объективной реальности, которая по отношению к обществу выступает как независимо существующая внешняя среда, как условие и объект деятельности человека. Естественная наука имеет дело с объективными законами функционирования и развития этой реальности. Она раскрывает эти законы, в соответствии с которыми люди строят свою адаптационно-преобразующую деятельность. Предметом же гуманитарной науки является общественная практика, т. е. сама эта деятельность и ее результаты. Это не просто внешняя среда по отношению к человеку и социуму. Это — субъектно-объектная «материя». В предмет изучения органически входит субъект общественно-исторической деятельности, который наделен сознанием и волей, а значит и способностью целеполагания и произвольного выбора вариантов и поступков.

Общественная практика всегда субъективна и формируется под прямым воздействием идей и ценностей. Субъекты практики — не просто агенты объективного процесса, а егодемиурги. Поэтому общественное развитие не предопределено, альтернативно, открыто на будущее.

Конечно, свобода деяния ограничена, но не законами, а инерцией самой общественной практики, которая воплощается в реальных результатах, законодательных нормах, институтах, обычаях и т. п. В чем важность этого различия? В том, что закон действует неотвратно, неукоснительно, непреодолимо, а инерция может быть преодолена людьми, если они осознали необходимость перемен и обладают волей к действию. Даже тогда, когда инерция велика и, казалось бы, непреодолима, энергия живого действия или противодействия при достаточном ее накоплении способна освободиться от инерционных оков. В этом, между прочим, смысл социальных революций. Поэтому логика общественных процессов (а значит и концептуальная логика) вариативна и выражается не как субординация объективных законов, а как лишенный предопределенности вектор вза-

имодействия множества тенденций. Эта логика может быть «схвачена» общественной мыслью лишь приблизительно и вероятно.

Реальный исторический процесс проходит через такие бифуркационные точки, в которых поворот в том или ином направлении зависит от какого-либо одного события. Показательный пример — реформы Александра II в 1860-х гг. На столе у царя уже лежал готовый к подписанию проект Конституции. Террористический акт народовольцев повернул историю России совсем в другом направлении. Таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Вмешательство креативного начала в общественный процесс не позволяет гуманитарным наукам быть такими же точными, как математика или физика. В отличие от естественных наук гуманитарные науки дают вероятностный сценарий развития: может произойти так, а может — и по-другому. Поэтому-то и политический деятель не может рассчитывать получить от гуманитарной науки рецепт политического решения той или иной проблемы. Наука способна вооружить его методологией и аналитическим просчетом вероятных сценариев и последствий развития по каждому из этих сценариев. Эту работу и выполняют «фабрики мысли». Что же касается самого решения, то оно принимается политиками под воздействием множества обстоятельств и влияний и требует не только научных знаний, но и опыта, таланта и даже интуиции.

Для описания и тем более объяснения всех перипетий общественного развития категория «закон» явно не подходит; для этого нужен более гибкий научный инструментарий. Далеко не случайно понятие «закон» фактически исчезло из обихода современных социальных исследований.

На переходе от XX в. к XXI в. наметился крутой поворот в характере и формах развития гуманитарной науки. Можно сказать, происходит изменение самой парадигмы теоретического осмысления жизни и развития общества. Под воздействием инновационных технологий, глобализации и

других факторов нынешней действительности система общественных связей приобрела ранее небывалый динамизм, в котором с невиданной силой обнаружился плюрализм и релятивность общественных отношений. Фундамент модернистского видения мира — вера в способность разума понять общество в рамках единой концепции — оказался подорванным. Социальная реальность фрагментируется и ускользает от разума, находя отражение в фантастическом калейдоскопе «клипового сознания». Его теоретическим выражением стали постмодернистские теоретические конструкции, объявившие войну «тирании целого», «великим рассказам» и оптимистической ясности модерна. Этому противопоставлены наваждение виртуальной реальности, соблазн «игры» и «власть иллюзий». Кризис теоретического мышления в общественном знании привел к доминированию постмодернистской прагматики, как в науке, так и в политике.

Сейчас уже очевидно, что сам постмодернизм не дает выхода из этого кризиса и, по сути, упраздняет теорию. Для того чтобы преодолеть кризис гуманитарной науки, необходима критика постмодернистского нигилизма с позиций нового восприятия общественных реальностей. В частности, надо отказаться от наивного постулата о возможности целостного и непротиворечивого объяснения общественной жизни и общественного развития в рамках какой-либо одной социальной концепции. Подобная вера в истинность только своей теории оборачивается непримиримой конфронтацией с любым инакомыслием и, в конце концов, деформирует картину действительности. Плюрализм глобализирующегося мира порождает разные способы его восприятия, каждый из которых высвечивает свои специфические грани противоречивой реальности. Монополия на истину и неприятие «инаковости» губительны для социальной доктрины. Теоретическое освоение действительности осуществляется через дискурс разных, порой противоположных, концепций. Нередко диалог приобретает антино-

мичный характер. Столкновение идей сочетается в нем с толерантностью. Само же концептуальное видение мира не просто сублимация общественной практики в схемах и категориях, а многомерный синтетический процесс, никогда не завершающийся полным синтезом.

Смысл социальной доктрины не в том, чтобы быть путеводной нитью или компасом, своего рода техническим обоснованием больших социальных проектов. Смысл в том, чтобы, поднимаясь над прагматикой, сводящей роль теории к технологиям и ситуационному анализу, выявлять глубинные тенденции событий и искать на этой основе оптимальные стратегические решения на вариативной основе с учетом альтернатив.

Формирование и развитие современной социальной концепции — это отражение и нераздельная составная часть крутого поворота в развитии цивилизации, возможно, самого глубокого. Мы — в начале пути. Для более полного осмысления происходящего необходимо дальнейшее накопление опыта. Пока что обозначились лишь контуры нового видения гуманитарной науки и способов ее воздействия на публичную политику. Это не исключает, а, напротив, предполагает конкретные исследования актуальных общественных проблем, непосредственно влияющие на деятельность и политику государства.